

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 Г.

В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора

А. Ф. Киселева

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации

в качестве учебника для студентов высших учебных заведений Москва

ББК 63.3(2) я 73 К89

ПРОДОЛЖЕНИЕ

4. СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Древняя Русь изначально была многоэтничным государством. На территории будущего Древнерусского государства славяне ассимилировали многие другие народы — балтские, угро-финские, иранские и другие племена. Таким образом, сформировалась древнерусская народность. Каждое племя, каждый народ, который вошел в состав Древнерусского государства, привнес особенности собственной организации общества.

При этом на территории Древней Руси встретились и начали взаимодействовать народы, у которых были разные формы организации общины: у славян — *территориальная община*, у русов разного этнического происхождения — *кровнородственная община*.

Разные типы общин определяют и разные пути образования государств. При кровнородственной общине расслоение происходит и внутри родов, и между ними («римский вариант» политогенеза). У народов с кровнородственной общиной государство возникало как результат установления господства одного рода (или племени) над другими. На землях территориальной общины государство возникает иным путем.

Славяне — это народ, издревле занимавшийся земледелием. Видимо, поэтому у славян довольно рано возникла территориальная (соседская) община, вытеснившая кровнородственную общину. В территориальной славянской общине не было культа рода и племени, в ее состав легко принимались чужеземцы. Управление в территориальной общине связано с хозяйственными задачами, значительным было влияние выборных должностных лиц. Хозяйственные потребности сельской общины ограничиваются пределами волости. На более обширных территориях в сфере общих интересов лишь поклонение общим богам, «игрища между селами» с целью заключения браков, отношения с иными племенами. Таким образом, у славян в зависимости от действительных потребностей и строилась *снизу вверх* иерархия государственного управления. Византийский историк VI в.

Прокопий из Кесарии отмечал, что племена славян «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом». А это значит, что управление у славян было связано с хозяйственными задачами, поэтому старейшин выбирали всем миром на народном собрании — **вече**. Кстати, способность славян быстро ассимилировать другие народы объясняется также наличием у них соседской (территориальной) общины. Византиец Маврикий Стратег (VI в.) отмечал, что у славян не было рабства, а пленникам предлагалось либо выкупиться за незначительную сумму, либо остаться в общине на правах равного.

Используя данные археологии, можно довольно точно описать образ жизни древних славян. Они были оседлым народом и занимались пашенным земледелием — археологи находят плуги, сошники, рала, плужные ножи и другие орудия. Именно славяне

привнесли искусство пашенного земледелия в Восточную Европу. У славян было натуральное хозяйство, каждая община должна была обеспечивать себя всем необходимым: посудой, орудиями труда и оружием. Ремесленные изделия изготавливались для внутренних нужд общины, а не на продажу. Поэтому у славян не было гончарного круга до X в., а отличительным признаком славянской культуры была грубая лепная керамика. Поселения славян располагались на невысоких берегах рек, были невелики по площади и состояли из 15—20 малых полуземлянок, в каждой из которых жила *малая семья* (муж, жена, дети). Характерным признаком славянского жилища была каменная печь, которая располагалась в углу полуземлянки. У многих славян была распространена *полигамия* (многоженство): славянский мужчина имел двух-трех жен. Своих умерших славяне-язычники *сжигали*.

У всех славянских племен высшие боги были связаны с землей, а верования — с земледельческими культами, культом плодородия (Велес, Дажьбог, Сварог, Мо-кошь). Отличительной чертой славянского язычества было отсутствие человеческих жертвоприношений.

Славяне были умелыми, изобретательными и хитрыми воинами. Наличие территориальной общины предполагало, что в случае опасности каждый общинник берет в руки оружие. Византийская организованная армия всегда терпела поражение от славян, не располагающих какой-либо четкой военной структурой, а ведущих своеобразную партизанскую войну.

Строго говоря, уже зарубинецкая культура, существовавшая в последние века до нашей эры и в начале новой, была по многим показателям выше многих **ранних** государств. Достаточно указать на протянувшиеся на сотни километров земляные валы («Змиевы валы»), практически оградившие культуру от набегов со стороны степи и избавившие от необходимости укреплять каждое поселение. Ранним государством было полиэтническое объединение —

Черняховская

культура (II—ГУ вв.), а славянские племена VI в. имели достаточно эластичную, выстраивавшуюся снизу вверх систему организации и управления.

С VII в. на территориях, занятых славянами, возникают первые славянские государства. В 681 г. — Первое Болгарское царство, образовавшееся после прихода в славянское Подунавье кочевников-болгар, которые быстро смешались со славянами. В VIII—IX вв. образуется Великоморавское государство, появились первые сербские княжества и Хорватское государство.

В VI — начале VII в. на территории нынешнего своего проживания — от Карпатских гор на западе до Днепра и Дона на востоке и до озера Ильмень на севере образовались племенные союзы восточных славян — северяне, древляне, кривичи, вятичи, радимичи, поляне, дреговичи, полочане и др., которые также фактически являлись государствами.

К

IX

в. восточнославянские племенные союзы, земли, княжения занимали огромные территории, превышавшие площадь многих государств Западной Европы.

Во всех них существовала уже обособившаяся от остального общества, но не оторвавшаяся от него окончательно княжеская власть. Славянские города служили административными центрами племен и местом укрытия окрестного сельского населения от внешней опасности. В IX — первой половине X в. известно несколько таких городов: Киев—у полян-руси, Новгород — у ильменских словен, Смоленск — у кривичей, Искоростень — у древлян. Жители городов делились на десятки, сотни и тысячи.

Вершиной такой городской и племенной администрации был

тысяцкий,

избираемый на народном собрании —

вече.

Таким образом, у славян складывалась

земская власть,

то, что потом в отечественной историографии получит образное именование

«Земля».

Нужно признать, что земская власть была исторически возникшей и наиболее экономически целесообразной формой организации для славян. Следовательно, правы те ученые, кто считает, что государственность на Руси сложилась ранее вокняжения каких-либо династий. Главными политическими центрами в славянских землях в этот период являлись Новгород и Киев.

Но экономически целесообразная и естественная государственная земская власть не могла простираться на обширные территории, не могла решить проблему объединения необозримых пространств восточнославянских земель. Соединить земли восточнославянских племенных союзов могла только внешняя сила, *внешняя власть.*

Таким племенем-объединителем в IX—X вв. оказались

«русы»,

или, как их называют некоторые древние источники, «род

русский»,

который, видимо, соединил в себе выходцев из Подонья, Приднепровья, Придунавья и Прибалтики. Пришедшая к славянам внешняя власть, конечно, использовала противоречия между отдельными землями-княжениями и не забывала напоминать о своих заслугах в поддержании «порядка», организации обороны и походов на внешнего врага. Эту внешнюю власть позднее в отечественной историографии обозначали образным термином

«Власть».

В IX—X вв. Киевская Русь представляла собой объединение различных земель-княжеств, общим главой которых был *киевский князь*, выходец из «рода русского». Позднее киевский князь получил титул «великого князя», т. е. главного среди других князей. Каждое княжество объединяло территории (или земли) нескольких славянских племен, во главе таких княжеств стояли свои, местные князья. Например, свои князья были у древлян, кривичей, радимичей и др. А вятичи вообще долгое время не входили в состав Киевской Руси, оставаясь независимыми.

Киевский князь, помимо того, что он был главой всей Киевской Руси, владел своим княжеством, собственно тем, где главенствовал «род русский». В то время главными городами киевского княжества была территория племени полян-руси с городами Киев, Чернигов и Переяславль. В подчинении киевского князя находились собственные бояре — высшая знать, воинская дружина и «старцы градские».

В каждом славянском городе действовало вече — общий совет горожан, мнение которого нередко было сильнее воли князя. Недаром жители многих древнерусских городов в X—XII вв. нередко сами решали, какого князя пригласить к себе на княжение.

Между киевским князем и местными князьями заключался своеобразный договор. Условия договора включали, во-первых, право киевского князя собирать дань в землях союзных князей («полюдье»). Обычно на полюдье киевский князь со своей дружиной выезжал осенью и всю зиму проводил за сбором дани. Во-вторых, киевский князь был обязан обеспечивать защиту подвластных ему земель. И в-третьих, местные князья должны были поставлять воинское ополчение в том случае, если киевский князь возглавлял общий воинский поход в чужие края.

Взаимоотношения «Земли» и «Власти» в этот период были довольно сложными, а межплеменные конфликты в IX — X вв. — частыми. «Земля» чаще всего откупалась от «Власти» данью, а совместные выступления и тех и других вызывались необходимостью противостоять внешним врагам. В этом и заключается в целом положительный результат образования относительно единого государства. Но и княжеская власть была весьма ограничена «родом русским» и дружиной, и сам этот «род» имел неодинаковое влияние в землях различных племенных союзов восточных славян. Первые реальные попытки упорядочить отношения городского и племенного самоуправления с княжескими слугами даже в пределах самого Киева были предприняты лишь в конце X в. при Владимире Святославиче.

Литература

Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Советское славяноведение. Т. 20., 1975.

Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. /М., 1969.

Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. № 3.

Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966.

Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сочинения. Т. II. Ч. 1, М., 1963.

Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. М., 1980.

Беневоленская Ю. Д., Давыдова Г. М. Русское население Псковского озера // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1979.

Березовец Д. Т. Про тя носив самгiBCьKoі культури // Археолопя. Т. XXIV. Кшв, 1970.

Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. СПб., 1908.

Венелин Ю. Скандинавомания и ее поклонники. М., 1842.

Венелин Ю. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // ЧОИДР. Кн.4. М., 1870.

Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском // ИОРЯС. Т. XI. Кн.3. СПб., 1906.

Вилинбахов В. Б. Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. № 1.

Витое М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959.

ГаркавиА. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Гедеонов С. А. Варяги и Русь. Ч. 1—2. СПб., 1876.

Горюнова В. М. О западных связях «Городка» на Ловати // Проблемы археологии и этнографии. Вып.1. Л., 1977.

Грушевский М. С. Киевская Русь. Т.1. СПб., 1911.

Гуревич Ф. Д. Скандинавская колония на территории древних пруссов // Советское славяноведение. Т. 23. 1978.

Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.

Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875.

Дробинский А. И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.

Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.

Завитневич В. Происхождение и первоначальное значение имени «Русь» // Труды Киевской Духовной академии. 1892. № 11.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.Н. М., 1967.

Зеленин Д. К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. М., 1954.

Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. М., 1982.

Калинина Т. М. Ал-Масуди о расселении русов // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978.

Каргер М. К. Древний Киев. Тl. М.; Л., 1958.

Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX— XX вв. Л., 1970.

Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.

Костомаров Н. И. Начало Руси // Современник. Т. 70. № 1. СПб., 1860.

Кочуркина С, И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.

Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 1,

Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. № 11.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Кузьмин А. Г. Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. № 4.

Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. 4.1.

СПб., 1878.

Куник А. Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. 4.2. СПб., 1903.

Лебедев Г. С., Розов А. А. Городец под Лугой // Вопросы истории. 1975. № 2.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. **Ловмянский Г.** Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. № 9.

Ловмянский Г.

Русь и норманны. М., 1985.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968.

Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX— XIII вв. М., 1979.

Мельникова В. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. **Морошкин Ф. Л.** Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842.

Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // Slavia. X. Praha, 1931.

Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994.

Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.

Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и руси VI— X вв.// Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1—2 / М., 1986 (Сер. «История России в романах, повестях и документах»).

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л., 1924.

Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. □ 11. М., 1949. **Рыбаков Б. А.** Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953.

Рыбаков Б. А.

Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбаков Б. А.

Язычество древней Руси. М., 1987.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX — XIV вв. М., 1978. **Сахаров А. Н.**

Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.

Седов В: В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Славяне и Русь. Проблемы и идеи / Сост. Кузьмин А.Г. М., 1998 и 1999 (второе и третье издания).

Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. М., 1976.

Смирнова Г. П. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Сугорский И. И. В туманах седой старины. Англо-русская связь в давние века. СПб., 1907.

Талис Д. Л. Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3.

Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.

Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. **Толочко 17. Л.** Древний Киев. Киев., 1983.

Толстое С. П. Из предыстории Руси // Советская этнография. Сб. VI— VII. М.; Л., 1947.

Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Трубачев О. Н. К истокам Руси. М., 1993.

Херрман И. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.

Шахматов А. А. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М, 1964.

Янушевский Г. Откуда происходит славянское племя русь. Вильно, 1923.

Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

ГЛАВА IV. Древняя Русь в IX—XI вв.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ В IX—XI вв.

События конца IX—XI вв. на Руси в летописях изложены скупой и противоречивой, ибо в ее основе лежат различные первоисточники. Более того, ранние летописные свидетельства значительно отредактированы более поздними летописцами, причем эта редакция осуществлялась в интересах совершенно конкретных политических фигур из правящей династии. Поэтому для того, чтобы найти истину, необходимо использовать, анализировать разнообразные источники, помимо летописей, привлекать данные археологии, антропологии, сведения из фольклорных источников, а также и зарубежные источники, прежде всего богемские хроники.

Во многом из-за путаницы в письменных источниках в отечественной исторической литературе также существуют разные точки зрения на события IX—XI вв., происходившие в Древней Руси. И собственно изучение этого периода русской истории и представляет собой анализ противоречивых свидетельств источников, а также осмысление важнейших дискуссионных вопросов, поднятых в историографии. Только в этом случае мы сможем представить более или менее точную картину исторических событий IX—XI вв.

Здесь мы встречаемся сразу же с несколькими проблемами, которые продолжают оставаться дискуссионными в отечественной историографии. Главная из них — проблема взаимоотношений «Земли» и «Власти», в русле которой существовали многие другие политические, социальные и экономические проблемы.

Противостояние «Земли» и «Власти» — следствие прежде всего разных истоков того и другого.

«Земля» — это в основном славянское, или славянизированное, самоуправление, строившееся «снизу вверх». «Власть» — структура, выстраивающаяся «сверху вниз», и в значительной мере привнесенная «родом русским», причем между разными видами «русов» были более или менее

существенные различия.

Иначе говоря, общественно-политический строй в Древней Руси определялся не только социальными, но и этническими

различиями различных племен, объединенных в одно государство, ведь каждое племя приносило собственные традиции, обычаи, собственный социальный уклад.

Проанализируем с этой точки зрения рассказ «Повести временных лет» об основании Древнерусского государства. Уже говорилось, что этот рассказ представляет собой позднейшее соединение различных сведений, зачастую противоречащих друг другу. Поэтому следует выявить противоречия в самих летописных свидетельствах, доставшихся нам от разных летописцев, чьи сочинения и были позднее объединены в «Повести временных лет».

В этом отношении колоссальный ущерб науке нанесло представление о том, что автором «Повести временных лет» был один летописец — Нестор, писавший якобы в начале XII в. Но дело в том, что даже *Несторов-летописцев* в истории древнерусской письменности было *двое. Первый Нестор* — это ученик ки-ево-печерского игумена Стефана, писавший свои сочинения о Феодосии Печерском, о князьях-братьях Борисе и Глебе во Владимире Волынском.

Второй — *ростовский епископ Нестор*,

бывший до своего рукоположения постриженником Киево-Печерского монастыря и в 1156 г. вернувшийся в Печерский монастырь. Как показывает сравнение летописного текста с известными нам произведениями обоих Несторов, ни первый, ни второй к «Повести временных лет» никакого отношения не имеют: ни их языка, ни их мировосприятия, ни их круга знаний в «Повести временных лет» нет.

Одно из самых больших противоречий летописи заключается в том, что правящий слой Древней Руси — те самые русы, или «род русский», — воспринимаются как единый этнос. Затруднение представляет уже то, что русские летописи, в отличие от восточных источников, ничего не знают о «трех видах руси». Но при этом в летописях встречается именование «русами» разных этнических групп: *Норик как родина славян и придунайских русов; варяги-русы из Прибалтики*

и, наконец,

просто «Русская земля» как второе обозначение племени полян.

Из этого следует, что, несмотря на явную редакцию «Повести временных лет» позднейшими летописцами в чьих-то политических интересах,

в ней все же сохраняются отголоски каких-то древних и разных версий происхождения русов. Лишним свидетельством тому можно считать тот факт, что в IX—XII вв. даже в самой Древней Руси существовало, по крайней мере, четыре генеалогических предания, т.е. *четыре версии происхождения «рода русского»*, в которых называются разные «родоначальники»:

Рюрика, от Игоря

и, наконец, от

Трояна

в «Слове о полку Игореве». За каждым из этих преданий стояли определенные политические и социальные силы и определенные интересы, эти версии противоборствовали между собой. И важно учитывать сам факт их сосуществования и противоборства. Как минимум, это поможет в беседах с летописцами и авторами древних сказаний, которые всегда отстаивают какую-то версию и при этом что-то недоговаривают. В этом случае может быть поставлен вопрос об источниках версий — и весьма противоречивых, — но не о действительных фактах, которые надо отыскивать с привлечением иных, внелетописных данных.

Скорее всего, записи в «Повести временных лет», относящиеся к IX в., — это легенды. Даты, которые проставлены в летописи, появились позднее, и сегодня трудно определить, откуда взялись сами даты, ведь языческий мир время исчислял поколениями. Следы такого исчисления — поколениями — просматриваются в «Повести временных лет», по крайней мере, **до второй половины XI в.** Сами же летописные даты, имеют, естественно, христианское происхождение и ведут летосчисление от момента Сотворения мира. Но при этом следует иметь в виду, что в православном христианском мире существовало несколько версий хронологии — *космических эр*,

каждая из которых по-разному отсчитывала дату Рождества Христова от Сотворения мира:

антиохийская эра - 5500 лет от Сотворения мира; старовизантийская эра - 5504 года от Сотворения мира; константинопольская эра - 5508 лет от Сотворения мира, болгарская эра — 5511 лет.

И, что важно, все эти космические эры мы находим в «Повести временных лет», что является лишним доказательством «сводного» характера самой этой летописи — разными эрами пользовались разные летописцы.

Летописные даты IX в. — результат каких-то расчетов, достоверность которых пока весьма сомнительна. Летописец, впервые введший хронологию в недатированные тексты «Повести временных лет», ориентировался на византийскую хронологию. В его распоряжении были данные о числе лет правления князей (такой вид счисления сохранялся и в Византии наряду с «индиктным счетом» — 15-летние периоды, как его вариантом).

Скажем, первая дата **6360 г.**, под которой приводится первое упоминание неких русов в византийских хрониках, приуроченное к началу правления *византийского императора Михаила*.

Эта дата вызвала многочисленные недоумения историков, ведь если брать константинопольскую эру, то в итоге получается

852 г.

(6360 — 5508 = 852). Но достоверно известно, что Михаил начал царствовать в 856 г.

Противоречие разрешается, если признать, что дата 6360 г. сделана по

старовизантийской

(а не по константинопольской) эре и в пересчете на нынешнее летосчисление от Рождества Христова дает нам

856 г.

Но в 856 г. Киевской Руси еще не существовало, следовательно, византийские источники писали не о днепровских, а о каких-то других русах. Скорее всего, поход на Византию в 856 г. совершили *причерноморские русы*, этническая природа которых далеко не определена. Это те русы, которые вскоре приняли христианство, а митрополия причерноморских русов будет намного старше киевской митрополии.

Под **6374 (866) г.** «Повесть временных лет» сообщает о походе на Византию киевских князей Дира и Аскольда. Как было установлено, сведения об этом походе не находят подтверждения в византийских источниках и сама дата похода тоже может быть результатом легенд и позднейших хронологических расчетов. Вообще, сведения о походе Аскольда и Дира попали в летопись довольно поздно и заимствованы из *Хроники Георгия Амартола*,

причем имена русских князей отсутствуют в оригинале и появляются только в древнерусском переводе хроники. На этом основании принято считать, что никакого похода киевских русов на Византию в 866 г. не было. Но привлечение внелетописных источников представляет интересную картину.

Дир

— имя

иллирийское,

означающее «крепкий», «твердый». Оно и до сих пор сохраняется у кельтов (читается теперь на английских манер как «Дайри»).

Аскольд

— тоже типичное

кельтское

имя, где компонент «олд» («олл») означает «великий». Таким образом, Дир и Аскольд могли быть представителями какой-то из ветвей руси. Но попасть в Византию они могли не с севера, а с

запада — из Подунавья,

откуда в конце V в. гунны и руги возвращались на Днепр после развала Гуннской державы, а в IX—X вв. из Подунавья будет несколько выселений и переселений, в том числе и в

Поднепровье (эти миграции пока еще мало изучены и исторически, и археологически).

В рассказе о призвании варягов в летописи явно искусственно увязываются в одну династию Рюрик и Игорь. *Рюрик* с братьями шел из племени ободритов, память о чем держалась даже в XIX в. *Игорь-Ингер* явно шел из

«Русии-тюрк», т. е. из Аланской Руси (уже славянизированной), которая располагалась в западных пределах Эстонии — на острове Сааремаа и в провинциях Роталия-Вик. А *Олег*,

по летописи, оказался вообще безродным. Но, как уже говорилось в предыдущей главе, Олег, видимо, был тоже выходцем из Аланской Руси. Кстати, богемские хроники знают его

сына —

тоже

Олега,

возглавившего в какое-то время Моравское королевство.

Впрочем, и в связи с утверждением в Киеве Олега возникает много еще неразрешенных вопросов. Само имя «Олег», судя по всему, легендарное, причем, видимо, «Олегов» было несколько. Например, разные источники сообщают о том, что после смерти Олег был похоронен в разных местах и указывают разные могилы Олега: в Киеве, в Ладоге, где-то «за морем». Причем северные могилы «Олегов» явно противоречат киевским и заставляют предполагать, что на севере это имя звучало звонче, чем на юге. А следует из этого только одно: *разные Олеги* послужили источниками легенды о князе Олеге Вещем, и само это имя на Волго-Балтийском пути было популярно.

882 г. Под этой датой в летописи фиксируется приход Олега в Киев. Кстати, происхождение самой даты непонятно, возможно, она тоже является результатом расчетов позднейших летописцев. Еще одна проблема — почему Олег именно Киев объявил центром Русской земли? Какую «Русскую землю» подразумевал Олег? Если вспомнить сведения восточных авторов о трех видах «руси», то тогда можно сделать предположение — *князь Олег поставил задачу собирания всех «Русий» в нечто единое.*

В 882 г. Олег пришел в Киев с варягами, чудью, словенами, весью, мерью, кривичами. По дороге в Киев Олег завоевывает Смоленск и сажает там своих посадников (правда, позднее Смоленск будет оставаться за пределами Киевской Руси вплоть до 2-й половины XI в., как и кривичи в целом). В данном случае перечислены те же племена, что «приглашали» Рюрика: два *славянских* и три *угро-финских*. Археологически такой межэтнический союз подтверждается. Видимо, это те племена, которые изначально были связаны с варягами и располагались на ВолгоБалтийском пути. Здесь необходимо вновь привлечь сообщения восточных авторов, отметивших, что народы севера говорят по-славянски, потому что с ними смешались. А под «севером» восточные авторы разумели именно Волго-Балтийский путь, на который, судя в том числе и по нумизматическим данным, славяне (балтийские) вышли первыми.

Таким образом, именно князь Олег, судя по всему, объединил под своей рукой разные этнические группы руси и собственно положил основание тому социально-политическому образованию, которое в «Повести временных лет» получило название «род русский».

В 884 и 885 гг. Олег возлагает дань на славянские племена северян и радимичей, которые до того платили дань хазарам. Причем пограничных с хазарами северян Олег, по сути, освобождает от дани, возлагая на них дань «легку». Вообще, это обращение Олега к радимичам и северянам очень знаменательно. Возможно, оно является отголоском давнего конфликта между «Росским каганатом», наследником которого была Аланская Русь в Прибалтике, и хазарами. Возложение на северян «легкой» дани заставляет думать, что *собрание Олегом земель под властью «рода русского» в конце IX в. - это ответ на события 30-х гг. IX столетия, когда «Росский каганат» был разгромлен хазарами в союзе с венграми.* Видимо, Олег стремился вернуться в исторически принадлежащий Аланской Руси регион. Во всяком случае, утверждение Олега и Игоря в Причерноморье раньше, чем в Приднепровье, — факт весьма значимый.

Под 907 г. летопись сообщает о походе Олега на Византию. Этот летописный рассказ увлекает многих историков масштабом операции Олега, собравшего под свои знамена все славянские племена, варягов, а также чудь и мерю. Но именно этот масштаб вызывает сомнение — уж слишком он фантастичен. Причем летописная статья под 907 г. противоречит другим летописным свидетельствам.

Так, летописец, который был составителем этнографического введения «Повести временных лет», писавший не ранее конца X — начала XI в., в число входящих в состав Руси включал лишь семь славянских племен. Ни вятичи, ни радимичи, ни дулебы, ни тиверцы, упоминаемые в статье 907 г., по убеждению этого летописца, в состав Руси не входили. А этот летописец знал многое — осведомленность его проявлялась уже в том, что в качестве «данников Руси» он перечислил все прибалтийские племена и племена по Волго-Балтийскому пути. Еще одно противоречие статьи под 907 г. — сообщение о том, что Византия должна была платить дани ряду русских городов, по которым сидели «величии князи, под Олгом суще». В 907 г. Олег не мог заставить византийцев платить дани этим городам, потому что не было еще многих городов, в частности *Переяславля* (основан в 993 г.).

Полоцк,

скорее всего, находился под властью

другой варяжской династии,

последний князь из которой

Рогволод

погибнет в 978 г. от рук князя Владимира Святославича, оскорбленного отказом дочери полоцкого князя Рогнеды выйти за него замуж. Не было в начале X в. в Древней Руси и «великих князей»: этот титул появится значительно позднее.

И

сам фантастический рассказ о походе Олега в 907 г. позднее «редактировал» христианский автор, знакомый с византийской литературой — описание зверств, чинимых дикими русами, взято из византийской литературы. То же самое описание зверств русов воспроизведено и в рассказе о походе Игоря на Византию в 941 г. и взято оно опять-таки из византийской литературы. Видимо, в обоих случаях летописец использовал один и тот же источник, причем элементы былинного восторга в рассказе перемешаны с жестким христианским осуждением.

Еще одно свидетельство *поздней вставки* летописной статьи 907 г. — имена дружинников Олега: *Вельмуд, Карл, Фарлоф,*
Ру-лав *и Стемид.* Чуть

позднее эти же имена повторяются в статье под 911 г., но два из них — в более правильной огласовке: вместо Вельмуд правильное Веремуд — имя, известное с эпохи Великого переселения народов; вместо Карлы — Карл, имя и топонимы, встречающиеся на побережье Северного моря. Следовательно, *искажение имен в статье под 907 г. лишь свидетельство позднего происхождения этого пересказа подлинного договора, приведенного под 911 г.*

Подобных повторов в «Повести временных лет» несколько, и связаны они с соединением летописных записей, сделанных по разным космическим эрам (в частности, статья под 907 г. рассчитывалась по эре, на 4 года расходившейся с константинопольской).

Попутно заметим еще один важный факт: договоры Олега и Игоря с Византией, в

которых приведены имена дружинников, говорят о славяноязычии княжеских дружин, но имена послов свидетельствуют о сохранении и исконных языков дружинников, обычно набираемых из «охочих» людей разных стран и народов. Эти имена в большинстве именно так и звучали в европейских (континентальных) именованных и могут быть объяснено

ны происхождением главным образом из кельтских, иллирийских, иранских, фризских и финских языков.

Для прояснения событий, связанных с походом Олега в 907 г., необходимо привлечение материалов Новгородской Первой летописи, в которой есть и буквальное совпадение со статьей 907 г., а именно одна из версий о дани, полученной Олегом с греков. Но Новгородская летопись отказывает Олегу в княжеском достоинстве, представляя его лишь *воеводой* Игоря. Думается, в основе рассказа Новгородской летописи лежит варяжское сказание, изначально недатированное. Кроме того, летописец явно стремился указать на родственные связи Игоря с Рюриком, а потому надо было «устранить» реального князя Олега, которого с Рюриком никак невозможно было соединить. В Новгородской же летописи приводятся и версии о могиле Олега в Ладогe, и о его намерении уйти за море, где его якобы и «уклюнула» змея. Но интересно, что события, связанные с походом Олега, перенесены в 20-е гг. X в. В этой летописи указан 6430 г. от Сотворения мира, что по константинопольской эре должно соответствовать 922-му, по болгарской — 919-му, по старовизантийской или подобной, распространенной где-то на западе Руси, — 926-му.

Таким образом, можно прийти к выводу, что статья под 907 г. появилась в летописи очень поздно и сложилась, возможно, в результате даже нескольких редактирований только в XII в.

Время после Олега — **2-я четверть X в.** — вообще совершенно запутано в летописях: версии Новгородской Первой летописи и «Повести временных лет» абсолютно не совпадают. И свидетельствует это о том, что обе версии недостоверны. Но путаница новгородских летописцев в данных об Олеге и датировках событий, возможно, имеет и определенное указание на *другого Олега*, конфликт с которым у Игоря разразился, по Сведениям богемских хроник, где-то в 20—30-е гг. X в., после смерти Олега Вещего. Характерно, что этот конфликт не нашел никакого отражения в русских летописях. Думается, что причиной послужило желание какого-то летописца представить именно Игоря родоначальником династии. Именно поэтому новгородские летописцы называют Олега Вещего всего лишь воеводой Игоря и

лишают Олега княжеского достоинства.

Но материал, извлеченный из *богемских хроник* в конце XVIII в. Христианом Фризе, раскрывает суть этой усобицы. Согласно рассказу Х. Фризе, Олег Вещий был князем и имел сына — *Олега*

Олеговича.

Игорь же

был *племянником* Олега Вещего. После смерти Олега Вещего между двоюродными братьями разразилась борьба за княжеский стол, в результате которой Игорь изгнал Олега Олеговича из Руси. Олег бежал в Моравию, которая в это время вела трудную борьбу с вторгшимися в области Среднего Подунавья венграми. Олег отличился в этой борьбе и был избран королем Моравии. У Х. Фризе в этой связи обозначен 940 г., но хронология у него (как и в некоторых богемских хрониках) идет впереди дат нашей летописи на пять лет, и, следовательно, дата соответствовала бы 935 г. наших летописей. В Моравии Олег принял христианство (христианское его имя, согласно богемским хроникам, *Александр*

р,

но с

ним же в ряде случаев ассоциируется и имя «*Илья Русский*»,

возможно, переозвучение неизвестного в Западной Европе имени «Олег»). Олег помирился с Игорем, попытался объединить силы Моравии, Руси и Польши ради отражения натиска венгров. Но из Руси пришло сообщение о гибели Игоря, и союз так и не состоялся. После ряда лет борьбы с переменным успехом Олег потерпел поражение и вернулся на Русь, где был воеводой у княжны Ольги. Здесь он и умер. У Фризе указан 967 г., по хронологии нашей летописи, видимо, должен значиться 962 г.

Важно, что сведения богемских хроник подтверждаются археологически — именно во 2 -й четверти IX в. отмечается волна миграции славянизированного населения, в том числе и русов, из Моравии в Приднепровье. И

характерно, что это вновь пришедшее к Днепру население или хотя бы часть его, уже были христианами

(у них наблюдается христианский обряд погребения). Видимо, именно с этой волной вернулся в Киев и Олег Олегович. Кстати, дополнительным подтверждением верности сведений богемских хроник может служить тот факт, что в Киеве же будет известна не одна, а две могилы Олегов, расположенные в разных частях города.

Автор: pavel
08.01.2020 21:02 -

После конфликта с двоюродным братом Игорь (ум. 945 г.) утвердился в Киеве в качестве князя. В тот период относительное единство разных земель-княжений поддерживалось практически только личностью киевского правителя. Олег Вещий, судя по преданиям, пользовался почтением и на севере Руси, и в Поднепровье, и в определенной степени в Причерноморье. Игорь же растерял большую часть территориальных и властных завоеваний предшественника. Поход Игоря на Византию в **941 г.** и договор **944 г.** свидетельствуют о его внешнеполитических неудачах. Поход на древлян в **945 г.**

и гибель самого князя в этом походе свидетельствуют о том, что и внутри собственного государства Игорь не мог сохранять свою власть. В результате, на севере он практически не оставил следа, и на юге его амбиции разбивались о жесткое противодействие не только империй с богатыми дипломатическими и военными традициями — Византии и Хазарии, но и традиционно мирных славянских княжеств, сохранявших свои системы управления и своих выборных князей.

Княгиня *Ольга* (ум. 969 г.) попыталась как-то упорядочить отношения Киева с племенами, платившими дань, установив *погосты* для сбора дани, оставаясь фактически регентом при малолетнем сыне Святославе.

Сам Святослав (ум. 972 г.) успешно воевал и с традиционными обидчиками Русской земли, и с теми землями-княжениями, которые держались своих многовековых традиций. Но он так и остался отважным и умелым полководцем, рожденным для походов, и практически бесполезным для упорядочения государственных дел на территориях, по которым, почти не встречая сопротивления, прошли его дружины. Впрочем, Святослав и не собирался оставаться в Киеве (не исключено, что и сами киевляне не слишком жаловали Святослава), стремясь перенести центр предполагаемого нового государства в *Переяславец Дунайский*. Но там ему не позволил укрепиться могучий и коварный сосед — Византия. В 970 г. перед своим походом в Болгарию Святослав разделил Русь между сыновьями:

Ярополку

(ум. 980 г.) достался Киев,

Олегу

— Древлянская земля, а

Владимиру

— Новгород. Этот раздел изначально не сулил государству никакой устойчивости.

Святослав погиб в 972 г. После его смерти фактически возникли

три княжества

во главе с тремя сыновьями Святослава: поляне, древляне и Новгород. Но при властолюбивом воеводе Свенельде, который и при Игоре, и при Святославе играл значительную роль в жизни Руси, сыновья Святослава вообще не могли иметь самостоятельного значения. Однако интересы самого

Свенельда,

судя по всему, были далеки от государственных, он был озабочен своими делами и своей дружины. Во всяком случае, именно местью Свенельда за сына Люта, убитого Олегом Древлянским, летопись объясняет начало усобиц между сыновьями Святослава в

977 г.:

Ярополк пошел войной на брата Олега, и в этой войне Олег погиб. Испугавшийся Владимир бежал из Новгорода, который заняли посадники Ярополка. Однако в

978 г.

Владимир с нанятым войском из варягов вернул себе Новгород, а затем пошел войной на Ярополка. Победив в войне,

Владимир убил Ярополка, обманным путем заманив его к себе (собственно Ярополка убили два варяга). После этого Владимир взял силой себе в жены вдову Ярополка, которая в то время уже была беременна.

В целом же X в. не знал еще и какой-либо закономерной системы наследования власти: побеждал сильнейший или наиболее удачливый. Да и

отношения между

«Землей»

и

«Властью»

и внутри правящего слоя не были упорядочены. Не случайно в 978 г. наемных варягов Владимиру было достаточно, чтобы утвердиться в Киеве.

В «Повести временных лет» сохранились довольно подробные сведения о начальном периоде княжения Владимира Святославича (ум. 1015 г.) и особенно о процессе введения на Руси христианства (проблема Крещения Руси будет подробно рассмотрена в следующей главе). Но летописные свидетельства о Владимире вновь противоречивы — они явно редактировались позднее, во второй половине XI в., когда стал утверждаться культ Владимира как святого.

К примеру, в изначальном тексте, видимо, присутствовала весьма нелестная характеристика Владимира: он представлен убийцей брата Ярополка, законного преемника Святослава, у Владимира три гарема с общим числом в 800 наложниц, ему приписывается растление девиц и чужих жен. И даже рассказ о Крещении Руси при Владимире носит следы первоначально иронического текста. Но есть и явные следы редакции — наличие одновременной положительной характеристики князя.

Владимир очень рано начал искать не просто силовые, а и идеологические обручи, которые скрепили бы рыхлое и неустойчивое объединение разноразличных племен. Таковой является его *языческая реформа* (979 — 980), как бы не толковалось ее содержание. В Киеве было устроено капище, в центре которого располагался Перун. Вокруг Перуна размещались идолы других богов — Стрибог, Дажьбог, Мокошь, Симаргл, Хоре. Привнесенное Владимиром с варягами язычество — по характеру изображений — пришло с *южного берега Балтики*.

Заимствованные в варяжском «заморье» изображения разных божеств, предполагали разные функции и должны были удовлетворить религиозные потребности разных племен. Загадкой остается, пожалуй, лишь исключение из пантеона популярного божества

Велеса —

покровителя купцов, поэтов, путешественников, вроде римского Меркурия, бога «скота», т. е. денег и богатства (лишь много

позднее понятие «скот» распространится на некоторые виды домашних животных, которые были заменой серебра, как куница, горностай и белка).

Но вместе с реформой языческой религии на Русь впервые пришли и человеческие жертвоприношения (983 г.). Христианская община, обосновавшаяся в Киеве при Игоре, похоже подверглась гонениям. Причиной этого, видимо, стали события, произошедшие далеко от Киевской Руси. В **983 г.** на *славянском Балтийском Поморье* произошло крупное восстание под языческими лозунгами, резко направленное против насаждавшегося немецкими феодалами христианства. Гонениям подвергались и славяне, перешедшие в христианство, и христианство на Поморье надолго окажется под фактическим запретом. С этим восстанием связано и обострение отношений между языческой и христианской общинами в Киеве. Именно в этом году в жертву языческим богам были принесены

варяги-христиане —

сын и защищавший его отец. На Руси это было первое человеческое жертвоприношение, и мученики позднее были причислены к лику святых.

Обострение отношений между двумя общинами (языческой и христианской), непопулярность в Киеве извне привнесенных языческих богов, побудили Владимира искать иную веру, которая смогла бы смягчить внутренний разлад. Таковой и стало **христианство**,

установившееся в конце X в. и отличавшееся на Руси большой терпимостью к язычеству, вплоть до усвоения многих языческих праздников. На сей раз в Киеве определенная консолидация была достигнута. Способствовали этому и попытки сближения городского

управления с собственно кня-жеско-дружинным. Но каждая земля продолжала жить своей жизнью, а направлявшиеся по княжествам сыновья Владимира либо входили в конфликты с местным самоуправлением, либо, пытаясь опереться на него и взаимодействовать с ним, вступали в конфликты с Киевом и княжившим там отцом.

Заключительная статья о княжении Владимира (под 996 г.) составлена явно позднее, а потому отражает не столько истинное положение вещей, сколько взгляды летописца. Легенда о замене деревянных ложек в гриднице князя серебряными, может быть, напоминает о каком-то недовольстве дружины и старейшин, которые «егда же подопьяхуться, начьняхуть роптати на князь». Владимир уступил дружинникам: «Яко серебром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и

злато, якоже дед мой и отец мой доискася дружины и сребра». Судьба и деда Игоря, и отца Святослава была печальна. Святославу можно записать в актив сокрушение паразитарного образования — Хазарского каганата, но в государственном строительстве он не сделал ничего. Явно больше вреда Киеву нанесло и правление Игоря, поскольку было утеряно ранее приобретенное Олегом. Но в данном случае интересно то, что Владимир или летописец от его имени не говорит о прадеде Владимира, о том, кем был отец Игоря.

Под тем же 996 г. «Повесть временных лет» рассказывает о принципах управления при Владимире. Князь советовался об устройстве земли и о войнах, прежде всего со своей дружиной. Упомянут некий «Устав земленой», видимо, свод правовых норм, не сохранившийся до нашего времени. Скорее всего, именно вокруг этого устава и развернулись какие-то коллизии в то время. Киевская Русь к тому времени уже приняла христианство, и христианские епископы обладали серьезным влиянием на князя Владимира. Именно епископы предложили провести реформу судопроизводства в соответствии с нормами христианства: вместо денежных штрафов

(*виры*)

за преступления ввести смертную казнь. Владимир согласился, однако нововведения вызвали какие-то раздоры. Поэтому по просьбе епископов и «старцев градских» Владимир вновь вернул виры и отменил казни. «И живяше Володимерь по устроенью отьню и дед-ню», — сообщает летопись. Скорее всего, именно в недошедшем «Уставе земленем» казни и были заменены вирами.

К сожалению, вторая половина княжения Владимира в летописях не отражена. Возможно, кто-то редактировал летопись, как и сведения о первой половине княжения Ярослава.

От первых пяти жен у Владимира было 12 сыновей (от последней Анны известна лишь дочь Мария). При Владимире существенно расширился круг земель, вошедших в состав Руси. Но *отсутствие самой системы престолонаследия* (скажем, принятым к этому времени в Европе принципа майората), при напряженных отношениях традиционных укладов в разных землях восточных славян с пришлыми князьями, делали отношения в них крайне неустойчивыми. Сыновья Владимира — Святополк в Турове, и Ярослав в Новгороде, и полоцкие наследники уже умершего сына Рогнеды Изяслава, и Мстислав в Тмутаракани — не желали подчиняться Киеву, и этот семейный разлад Владимир не сумел преодолеть.

Старший — *Святополк* (ок. 980 — 1019) был нелюбимым, поскольку был он сыном Ярополка, жену которого насильно забрал Владимир. Незадолго до кончины у Владимира разгорелся с ним конфликт, и Святополк оказался в тюрьме (1013 г.). Старший сын Рогнеды *Изяслав* умер в Полоцке, где ему наследовал *Брячислав*, с которым у Владимира похоже вообще не было особых контактов, в результате чего Полоцк по существу выйдет из состава Русской земли еще при Владимире. С *Ярославом* возник конфликт из-за дани, которую Новгород должен был платить Киеву, и этот конфликт мог привести к самым тяжелым последствиям — Владимир готовил поход на Новгород. Кажется, лишь *Мстислав* в Тмутаракани чувствовал себя достаточно уверенно, о чем напомнили и летопись, и «Слово о полку Игореве».

Владимир не сумел остановить начавшиеся еще при его жизни усобицы. Согласно польскому историку Стрыйковскому, своим преемником он оставлял *Бориса*, явно отодвигая старших — неродного Святополка и сына умершего в Полоцке Изяслава — Брячислава. Именно Борису Владимир передавал свою дружину. Но смерть Владимира в 1015 г. не позволила ему осуществить своих планов.

Борьба между сыновьями Владимира была и жестокой, и беспринципной, с привлечением иноземных наемников. У Святополка это были поляки, а также печенеги, у Ярослава — варяги-норманны (в основном шведы), с варяжской помощью занимал Киев и внук Владимира Брячислав в начале 20-х гг. XI в.. И *фактический пропуск в летописях описания событий первой трети XI в. — следствие заинтересованности «сильных мира сего» в замалчивании неблагоприятных дел.*

Сами усьобицы после смерти Владимира в летописях даются явно в позднейших редакциях и с большими пропусками. В литературе — научной и художественной (Н.Н. Ильин, Г.М. Фи-лист, СМ. Плеханов) — высказывались аргументы, предполагавшие виновность в убийстве Бориса и Глеба (1015 г.) именно Ярослава, а Святополк будет обвинен в убийстве братьев в «Сказании о Борисе и Глебе» уже во второй половине XI в., когда Ярославичи прочно утвердятся в Киеве и представят Ярослава *старейшим* среди потомков Владимира. Но *старейшим* был именно Святополк. Другое дело, что он на самом деле был сыном Ярополка.

В усьобице братьев победил Ярослав (ум. 1054 г.), устранив практически всех потенциальных соперников, кроме Мстислава Тмутаракано-Черниговского (ум. 1036 г.) и князя полоцкого Брячислава (ок. 997 — 1044).

Возраст и даже происхождение Ярослава в летописях даны в разных вариантах, причем возраст фальсифицирован с целью представить Ярослава старшим среди потомков Владимира, и сделано это было лишь во *второй половине XI в.*, когда у Яросла-вичей обострились отношения с полоцкими князьями. Возможно, что в связи с этим обострением появилась и справка (Лав-рентьевская летопись, 1128 г.) о том, что Изяслав (старший сын Владимира) и Ярослав происходят от разных матерей и потому между их потомками идет постоянная борьба. Ярослав, как и Владимир, старался утвердить своих сыновей по разным центрам Руси. Однако полоцкие князья уже обособляются, а между сыновьями Ярослава также возникают распри.

Интересно, что в летописном рассказе о кончине Ярослава появляется утверждение, будто *Всеволод* хоронил отца (а не *Изяслав*, как было на самом деле), и он был любимым его сыном. Видимо, летопись заметно редактировалась в кругах, близких Владимиру Мономаху, сына Всеволода. Недаром тот же лейтмотив появляется в рассказе о кончине Всеволода и его похоронах в Киевской Софии, причем здесь уже и непосредственно отмечается и любовь сыновей к отцу, и порядочность Владимира Мономаха, уступившего киевский стол Святополку.

До нас дошло «*завещание Ярослава*», оставленное им своим детям. «*Завещание Ярослава*» фактически предопределяет очередной распад Руси. Правда, в позднейшей редакции «завещания» звучит призыв к братьям жить в любви и согласии, слушаясь старшего («в отца место»). Здесь уже просматривается принцип

майората. Но с точки зрения этого принципа у полоцких князей прав было больше, почему и потребовалось сыновьям фальсифицировать возраст Ярослава.

Летописная редакция «завещания» Ярослава сложилась, видимо, в канун *Любеческого съезда князей*

в

1097

г. в качестве своеобразной программы. Нб сохранилось оно в двух разных редакциях: *Лаврентьевской*

и

Ипатьевской

летописях. Первая при этом возвышает Всеволода и несет, по всей вероятности, следы обработки второго десятилетия XII в., когда требовались аргументы в пользу занятия Киева, вопреки принципу майората, Владимиром Мономахом. Ипатьевская летопись сохраняет в данном случае более раннюю редакцию, предполагавшую законность занятия Киевского стола Изяславом как старшим.

Осталась, однако, нерешенной еще одна проблема. Старший Ярославич, новгородский князь *Владимир* умер в 1052 г., ранее кончины отца. Его сыну Ростиславу в это время было 14 лет, и он оставался новгородским князем, явно не имея возможности существенно влиять на внутриновгородские дела. По существу у него было примерно столько же оснований претендовать на киевский стол, что и у полоцких князей. Но он в «завещании» Ярослава вообще не обозначен и попал в число князей-изгоев.

Ведущую роль, по завещанию, получают трое старших. *Изяслав* (1024 — 1078) получает Киев, *Святослав* (1027 — 1076) — Чернигов,

Всеволод

(1030 — 1093) — Переяславль. В XI в. именно эти три города считались главными центрами собственно Руси, т. е. бывшей земли полян. При этом к Чернигову (очевидно, несколько позднее) будут приписаны земли по Десне и Оке «до Муррома», а к Переяславлю Ростово-Суздальская земля. Новгород будет пока в ведении Киева, и бегство из Новгорода Ростислава, возможно, связано с намерением Изяслава утвердить там своего сына Святополка, которого, однако, новгородцы не приняли.

Младшие Ярославичи, Вячеслав и Игорь, получили соответственно, и Смоленск, и Владимир Волынский. Вячеслав скончался уже в 1057 г., и Игорь был переведен в Смоленск, где он тоже скончался через три года. Дети этих умерших князей стали

изгоями, ожидающими какой-нибудь подачки от старших. Но и старшие недолго сохраняли определенное единство (такое держалось главным образом в противостоянии полоцкому князю Всеславу). С конца 60-х гг. XI в. и между ними разгорается вражда и усобицы, в которых Святослав претендует на киевский стол, уступая Чернигов Всеволоду. Но после смерти Святослава в 1076 г. уже Святославичи оказываются изгоями, часто ищущими пристанища на окраинах — в Тмутаракани, Рязани, Муроме, но претендующими на Чернигов.

Принцип майората будет признан лишь в конце XI в. Святослав и Всеволод Ярославичи, изгоняя в 1073 г. своего старшего брата Изяслава, с этим принципом еще не считались. И лишь после смерти Всеволода в 1093 г. потомкам Ярослава пришлось определяться, кто какие столы будет занимать. Именно в этих условиях и был проведен Любеческий съезд (1097 г.), признавший принцип «*каждый держит отчину свою*». Но вскоре проявилась еще одна трудность: что считать «отчиной». Владимир Ярославич княжил в Новгороде и умер в 1052 г. (он был старшим из сыновей Ярослава). Преемником его стал Ростислав. Но в 1064 г. он почему-то бежит в Тмутаракань, где в это время княжил сын Святослава Ярославича Глеб. После борьбы с переменным успехом с Глебом и его отцом Святославом Ростислав закрепился в Тмутаракани, но вскоре был отравлен греками. Летописец дает ему самую лестную характеристику, но ничего не сообщает, как и почему сын Ростислава малолетний

Рюрик

оказался в Галицкой земле в Перемышле, где он и умер в 1092 г. Там же оказались еще два брата Ростиславичи:

Володарь

в Перемышле, а

Василек

в Теребовле. И вскоре после съезда Василек был ослеплен происками Давыда Игоревича, еще одного внука Ярослава, причем в преступлении был замешан и княживший в это время в Киеве Святополк. В итоге заметно обострились отношения с киевским князем и у Владимира Мономаха, и у Ольговичей.

Любеческий съезд 1097 г. в целом отпирался от распределения уделов в «завещании Ярослава» в 1054 г., закрепив также в основном за князьями-изгоями города «Червонной» — Галиц-ко-Волынской Руси. Но решения съезда сразу же были сорваны ослеплением Василька Теребовльского, а между внуками Ярослава разворачивается борьба, которая благодаря поддержке церкви и киевлян выдвинет во главу княжеской иерархии Владимира Мономаха.

На Киевский стол *Владимира Мономаха* (1053 — 1125) привели чрезвычайные события: **восстание в Киеве в 1113 г.**

Необходимо иметь в виду, что

большинство социальных выступлений того времени — это борьба за сохранение ранее сложившегося положения.

Восстание 1113 г. вызвало в литературе едва ли не самый широкий отклик отчасти потому, что наиболее полное его описание дано у В.Н.Татищева, с источниковедческой точки зрения все еще мало изученного (его тексты обычно сравнивают с летописями, которых у него вообще не было). Оно началось сразу после смерти Святополка, что само по себе свидетельствует о негативном отношении киевлян к умершему князю. Громили восставшие и дворы ближайшего окружения князя, а также дворы хазарских иудеев-ростовщиков, которым покровительствовал Святополк и его окружение. Именно восставшие киевляне настояли на том, чтобы Владимир принял княжеский стол в Киеве. Князь согласился занять освободившийся стол, но отказался выполнять одно из главных требований — выселение хазарских иудеев-ростовщиков, ссылаясь на то, что такого рода мероприятия требуют проведения княжеского съезда.

После советов с митрополитом Никифором, который «*резы*» (т.е. проценты) считал вообще недопустимыми для христиан, князь огласил

«Устав о резак»,

которым ограничивался процент плат с должников. Но в 1124 г. восставшие вернулись к главному вопросу и без княжеского благословения осуществили выселение иудеев.

Коснулось оно и некоторых других земель, в том числе западнославянских. Именно в этот период в Крыму и далеко в Западной Европе появятся иудеи-«выселенцы» из Руси.

Об особых добродетелях Владимира Мономаха в летописи неоднократно говорится и в связи с Любеческим съездом, и в связи с организацией походов на половцев в начале XII в. В этом прославлении Владимира Мономаха многое зависело от того, что редакции «Повести временных лет» сохранились по городам, где княжили потомки Владимира Мономаха. Но были и объективные обстоятельства, заставлявшие видеть во Владимире идеального правителя. В определенной степени это проявляется и в его «*Поучении*» сыновьям. Владимир рисует там действительно образ идеального правителя, задача которого — быть справедливым, ответственным перед теми, кем управляешь. Он ссылается на византийские источники,

но представление о власти у него совершенно не византийское.

Пересказывая свои «труды» на полях сражений, в дальних походах, на охоте, он указывает на необходимость жертвенности правителя. И князю удалось многое: он сумел собрать большую часть Русской земли. Правда, Полоцк уже не вернется, в последний раз в 1094 г. упомянута Тмутаракань. Но заметно укрепились позиции на Волго-Балтийском пути, и было остановлено наступление половцев по границам лесостепи.

В «Поучении» Владимир отметит, что он заключил «без единого» 20 договоров с половцами. Принципиальное значение имело решение **1107** г.: Владимир женил на половчанке своего сына Юрия Долгорукого, а Олег Святославич — сына Всеволода. Этими браками предполагалось снять напряженность между Русью и Степью. Но результатом явилось включение половцев во внутренние усобицы на Руси. Олег приводил половцев и ранее, а Юрий Долгорукий наводнит ими Русь в середине XII в.

В Киеве князь старался сохранить взаимодействие с митрополией и городскими верхами, а по основным центрам опять-таки разместить своих сыновей. Вызванный Владимиром из

Новгорода сын *Мстислав* (1076 — 1132) в целом стремился продолжать линию отца. Он занимал Киевский стол с 1124 г. В конце 20-х гг. XI в., по соглашению с Византией, ему удается отправить в ссылку полоцких князей вместе с их семьями. В Полоцке был посажен сын Мстислава Изяслав, а в Киеве князю удавалось поддерживать сотрудничество с митрополией и городскими верхами. По основным же центрам, как в свое время и Владимир, Мстислав постарался разместить своих сыновей. В Новгороде Мстислава заменил его сын Всеволод, а Ростислав — сын от второй жены — получил Смоленск.

Усобицы продолжались и при Мстиславе, хотя и не в уделах, оставленных Владимиром Мономахом. Основная борьба шла у потомков Святослава из-за Чернигова. Всеволод Ольгович выгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича, разграбив его имение. Ярослав ушел в Муром (у Татищева есть добавление, что сына Святослава он оставил в Рязани). Мстислав в свое время дал обещание поддерживать право Ярослава на Чернигов, но Всеволод привел еще семь тысяч половцев. Мстислав собирался выступить в защиту Ярослава, но созванный по инициативе игумена Андреевского монастыря Григория церковный собор снял с Мстислава клятву-обязательство и взял вину на себя ради предотвращения кровопролития. По летописи, Мстислав до конца дней все-таки винил себя за то, что не сдержал слова, данного Ярославу. Но в данном случае он, возможно, и лукавил, поскольку Всеволод был его зятем. Тем не менее летописцы довольно дружно оправдывают и прославляют Мстислава как идеального правителя.

Мстислав умер в 1132 г. в возрасте 56 лет. В.Н. Татищев, имевший иные, нежели в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, данные сообщает или заключает собственную оценку: «Он был великий правосудец, в воинстве храбр и добро-распорядочен, всем соседям его был страшен, к поданным милостив и рассмотрителен. Во время его все

князи жили в совершенной тишине и не смел один другого обидеть. Сего ради вси его именовали Мстислав Великий. Подати при нем были хотя велики, но всем уравнительны, и для того вси приносили без тягости».

Это заключение Татищева интересно уже потому, что «Поучения» Владимира Мономаха Татищев не знал: оно сохранилось только в Лаврентьевской летописи. А Мстислав вроде бы следовал «Поучению» отца. Указание на «великие подати» тоже предполагает какой-то источник, бывший в руках Татищева. В этой связи представляет интерес и указание источника Татищева, что Крестина — супруга князя («Хрьстина» в Новгородской Первой летописи) не датская принцесса, как принято считать в литературе, а дочь новгородского посадника. Крестина умерла в 1122 г. и Мстислав, будучи в Киеве, женился на дочери умершего в 1118 г. новгородского посадника Дмитрия Завидца. Во всяком случае, Мстислава до конца его дней больше занимали дела Северной Руси и к Новгороду, где он пробыл более 20 лет, он был привязан, пожалуй, больше, чем к Киеву.

И последний его поход — возобновление дани с племени чудь, являвшемся данником Руси еще в IX в.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ: